

*Вопросы филологии***ОБРАЗ «НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ СВЯЩЕННИКА» В РОМАНЕ «ОБРЫВ»
(Библиейский текст в речах Ф. М. Достоевского и И. А. Гончарова)***В. И. Мельник*

Работа выполнена при поддержке РГНФ.

Грант 08-04-00079а «И. А. Гончаров и мировой литературный процесс».

В романах И. А. Гончарова собрано множество второстепенных персонажей, психологических бытовых типов, каждый из которых представляет собою законченное создание, вызывающее неподдельный интерес. Некоторые из них несколько неожиданны. Например, образ несостоявшегося священника, горемычного Опенкина, в романе «Обрыв».

Опенкин – не совсем обычный тип для русской литературы. «Это был скромный и тихий человек из семинаристов, отвлеченный от духовного звания женитьбой по любви на дочери какого-то асессора, не желавшей быть ни дяконицей, ни даже попадьей» (Ч. 2, гл. XIX). Неисполнение своего долга перед Богом, уход от духовного призвания, служения церкви привёл героя к жизненной драме. Его семейная жизнь не сложилась, и он стал выпивать, стараясь как можно больше времени проводить вне дома. «Он ли пьянством сначала вывел ее из терпения, она ли характером довела его до пьянства? Но дело в том, что он дома был как чужой человек, приходивший туда только ночевать, а иногда пропадавший по несколько дней» (Ч. 2, гл. XIX).

Самая яркая характерная черта Опенкина – его речь, наполненная церковно-славянской лексикой. Эта речь по-своему торжественна, даже высокопарна, как и речь пьяницы Мармеладова в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского. Между героями обнаруживается некоторое сходство: Мармеладов, витийствуя в трактире, силится «восстановить лицо» и как бы призывает окружающих не забывать, что и горький пьяница имеет «лик Божий» и является всё-таки человеком, Божиим созданием. Витийствуя, он поднимает главный вопрос – и своей, и всякой человеческой жизни: вопрос о спасении, вопрос об отношениях человека и Бога, вопрос о Божием милосердии к человеку: «... А пожалеет нас Тот, Кто всех пожалел и Кто всех и вся понимал, Он единый, Он и судия. Приидет в тот день и спросит: “А где дочь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала? Где дочь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?” И скажет: “Прииди! Я уже простил тебя раз... Простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много...” И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит... И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!” И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: “Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!” И

возглаголят премудрые, возглаголят разумные: “Господи! почто сих приемлеш?” И скажет: “Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...?” И прострет к нам руце Свои, и мы припадем... и заплачем... и все пойдем! ... Господи, да придет Царствие Твое!» (Ч. 1, гл. II).

Обращение к библейским сюжетам, церковно-славянская лексика – характернейшая принадлежность и господина Опенкина в «Обрыве». Самые простые житейские ситуации он «обрамляет» в библейский контекст, проводит параллель с библейскими персонажами и т. п. К Марфеньке он обращается со словами: «Марфа Васильевна! Рахиль прекрасная, ручку, ручку...». О подделках дорогих вин Ватрухиным он говорит: «Теперь война, например, с врагами: все двери в отечестве на запор. Ни человек не пройдет, ни птица не пролетит, ни амура никакого не получишь, ни кургузого одеяния, ни марго, ни бургонь – заговейся! А в сем богоспасаемом граде источник мадеры не иссякнет у Ватрухина! Да здравствует Ватрухин!» Слугу Якова он встречает словами: «А! богобоязненный Иаков!... приими на лоно свое недостойного Иоакима и Как и Мармеладов, Опенкин – человек кроткий и беззлойный. Сам о себе он говорит: «Кабак! кабак! Кто говорит кабак? Это храм мудрости и добродетели. Я честный человек, матушка: да или нет? Ты только изреки – честный я или нет? Обманул я, уязвил, налгал, наклеветал, насплетничал на ближнего? изрыгал хулу, злобу? Николи! – гордо произнес он, стараясь выпрямиться. – Нарушил ли присягу в верности царю и отечеству? Производил поборы, извращал смысл закона, посягал на интерес казны? Николи! Мухи не обидел, матушка: безвреден, яко червь пресмыкающийся...»

поднеси из благочестивых рук своих рюмочку ямайского».

Мармеладов опустился на самое дно жизни. Но главный штрих его личности – не пьянство, а покаяние, сознание своего ничтожества. Он обращается к Евангелию – и тем самым свою упавшую в грязь городского дна жизнь старается «приподнять», осмыслить в евангельском свете. Он понимает, что обращение к Священному Писанию для него, падшего, возможно лишь через личное покаяние и для покаяния. Мотивы покаяния, самоуничужения у Опенкина звучит иначе: всех, кроме себя самого, он «приподнимает» до положительных библейских героев, себя же определяет как героя, негативно определённого в Ветхом Завете. Так, Марфенька названа им прекрасной Рахилью. Ведь именно в это время Викентьев сватается к Марфеньке, подобно тому, как Иаков сватался к Рахили, дочери Лавана. Она была добродетельна и притом столь прекрасна, что Иакову не жалко было отдать семь лет своей жизни Лавану, работая на него за то, чтобы Рахиль была отдана ему в жены (Быт. 29: 1–28). Слугу Якова Опенкин называет «богобоязненным Иаковом» – и тоже не случайно: Яков религиозен, и очень любит слушать рассказы из Священного Писания. Не лишена комизма сцена, в которой Опенкин повествует о пророке Ионе: «Яков тупо и углубленно слушал эпизоды из Священной Истории; даже достал в людской и принес бутылку пива, чтобы заохотить собеседника к рассказу. Наконец Опенкин, кончив пиво, стал поминутно терять нить истории и перепутал до того, что Самсон у него проглотил кита и носил его три дня во чреве.

– Как... позвольте, – задумчиво остановил его Яков, – кто кого проглотил?

- Человек, тебе говорят: Самсон, то бишь – Иона!
- Да ведь кит большущая рыба: сказывают, в Волге не уляжется...
- А чудо-то на что?
- Не другую ли какую рыбу проглотил человек? – изъяснил Яков сомнение.
- Но Опенкин успел захрапеть.
- Проглотил, ей-богу, право, проглотил! – бормотал он несвязно впросонье.
- Да кто кого: фу, ты, Боже мой, – скажете ли вы? – допытывался Яков.
- Поднеси из благочестивых рук... – чуть внятно говорил Опенкин, засыпая.
- Ну, теперь ничего не добьешься!»

В каждом человеке Опенкин видит положительное («святое») начало. Лишь себя он сравнивает с «недостойным Иоакимом». Царь Иоаким известен тем, что не послушал слов Бога, сказанных через пророка Иеремию: «Когда Иегудий прочитывал три или четыре столбца, *царь* отрезывал их писцовым ножичком и бросал на огонь в жаровне, доколе не уничтожен был весь свиток на огне, который был в жаровне. И не убоялись и не разодрали одежд своих ни царь, ни все слуги его...» (Иеремия 36: 23–24). Таким образом, называя себя недостойным Иоакимом, Опенкин признаёт свой грех непослушания Богу (уход от священнического сана).

Нет оснований говорить о том, что Гончаров, создавая своего Опенкина, испытал влияние Достоевского. У Достоевского практически нет второстепенных героев. В его романах даже второстепенные герои несут в своём образе некую идею и отнюдь не являются простыми бытовыми зарисовками. Мармеладов здесь не исключение. Опенкин же ничего не решает в архитектонике «Обрыва». Он просто «попался под руку» Гончарову (как и Райскому). Религиозно-философские идеи автор «Обрыва» выстраивает через главных героев, в то время как второстепенные персонажи интересны сами по себе как типажи. Так Опенкин – это «местная достопримечательность», провинциальный тип чиновника-пьяницы, который несчастлив в семье, бродит по знакомым и к которому притерпелся весь город: так что умри Опенкин – и как будто чего-то не будет хватать. Художественный принцип, которым руководствуется Гончаров, создавая подобных героев, выражен им в одном из писем к П. А. Валугеву: «...Я принадлежу к числу небольших, но посредственных художников, которые, как пруд в саду, отражают верно только то, что художник видит, знает, переживает, т. е. то, что глядится в этот пруд, будь то деревья, ближайший холм, клочок неба и т. п. и что потом перерабатывается в его фантазии»¹.

Речь Опенкина, переполненная библейскими реминисценциями, показывает, что Гончаров прекрасно помнит не только Евангелие, которое он цитирует постоянно – и в художественных произведениях, и в письмах, – но и Ветхий Завет. В отличие от речи Мармеладова, звучащей искренно, напряжённо, патетически, речь Опенкина производит впечатление некоего комизма, источник которого – сочетание высокого церковно-славянского слога, с одной стороны, и подчёркнуто бытовых (и даже порицаемых с точки зрения Священного Писания) ситуаций и реалий (пьянство и связанное с ним поведение). Опыт такого комического сочетания высокого и низкого у Гончарова уже был. Ещё более характерны два письма к Н. П. Боткину. Первое письмо, от 15 февраля 1862 г., написано в духе челобитной, торжественного и велеречивого обращения с просьбой купить в Москве табуку у немец-

кого торговца Тринка. В «битье челом» выражается, в традициях средневековой письменности, возвеличивание адресата, с одной стороны, и самоуничижение – с другой. Понятно, что в переписке людей XIX в., состоящих в приятельских отношениях, челобитная – только шуточный стилевой приём. Но нам важно отметить сам факт тонкого владения Гончаровым стилем подъячих XVI в. Вот это письмо:

Премилосердный государь мой, Николай Петрович!

Известился я через Надворного советника, Михайлу Александровича Языкова, что якобы Вы, государь мой, вкупе с братцем и наиотменнейшим Сергеем Михайловичем (Третьяковым. – В. М.) нашу столицу посетить умышляете и через то нам великую радость сотворить хотите, того ради я, от великого моего к Вам усердия и веселия, за здравие Ваше просвирку заказал.

А просьбицу к Вам, милостивец мой, имею такую: приобвык я зело табачным зельем заниматься, и хотя ведаю, что тем грешным делом много душевного спасения теряю, однако, по немощи своей, сей тленной утехи одолеть бессилен и еле лишь о том помыслию, ощущаю под ложкой тяготу и сосание великое. А по Москве у Вас поселился сам пушающий нас на грех лукавый в виде немца Тринка: он изготавливает зело изрядныя и соблазнительныя для христианской глотки папирусы... Наказывал я тому Надворному Советнику Языкову оных мне потребное количество искупить и привезти, однако он, по безпутству и пьянству великому, запамятовал и того не исполнил...»² Если в письме к Н. П. Боткину Гончаров шуточно обыгрывает язык подъячих XVI в., то в речи Опенкина – это чистый церковно-славянский язык, подчёркивающий и комизм, и драматизм жизненной ситуации. Опенкин сроднился с этим языком в духовной семинарии – и должен был употреблять его совершенно серьёзно в своём церковном служении. Не послушавшись Божиих глаголов (как «недостойный Иоаким»), он всю жизнь расплачивается за свою ошибку, профанируя высокий церковный язык в ситуации жизненного несчастья и в то же время держась за этот язык как за нить, связующую его с Богом. Драматизм и комизм здесь срослись в нечто неразложимое.

Прямых оснований выводить генезис образа Опенкина от образа Мармеладова нет, но, впрочем, это не исключено, если учесть, что «Преступление и наказание» появилось в печати на два года ранее «Обрыва». Именно Мармеладов мог натолкнуть Гончарова на мысль о драматизации и углублении чисто бытового типа через передачу внутреннего осознания личностью своей связи с Богом («образа Божьего»). Этому и служит акцентирование в речевом образе обоих героев церковно-славянской лексики и библейских ассоциаций. Перед нами не просто психологическая защита социально потерянной личности, но философское обоснование иной, высшей, иррациональной оценки человеческой души в перспективе последнего Суда. При этом, впрочем, нельзя не обратить внимание на то, что если Мармеладов акцентирует в своей речи Евангельские ассоциации, то Опенкин – Ветхозаветные.

¹ И. А. Гончаров в неизданных письмах к графу П. А. Валугеву. 1877–1882. – СПб., 1906. – С. 50–51.

² Голос минувшего. – 1919. – №№ 1-4. – С. 236.